

Предисловие

Дневники – пожалуй, наименее известная часть литературного наследия Павла Григорьевича Антокольского (1896-1978). С юных лет он писал стихи, потом – прозу, пробовал себя в драматургии, занимался литературными переводами, литературной критикой, стал очеркистом и полюбил эпистолярный жанр. Для ведения дневников, во всяком случае регулярного, казалось бы, не было времени. И всё же.

Известно, что перед отъездом в эвакуацию в 1941 году Павел Григорьевич и его жена Зоя Константиновна¹ – сожгли бóльшую часть бумаг, относящихся к 1930-м годам. Среди них были и дневники. Сейчас это может показаться кощунством, но тогда хранить любые записи было опасно. Слишком непредсказуемо складывалась человеческая жизнь при сталинском режиме: тех, кого считали верными партийцами сегодня, завтра объявляли врагами народа. То, что содержалось в дневниковых записях, могло послужить причиной для ареста и самого поэта и тех, кого он в них упоминал.

В 1949 году в стране развернулась кампания против «космополитов». В газете «Правда» появилась разгромная статья о формализме в поэзии.² Пострадал и Антокольский и некоторые его ученики³. Не исключено, что от каких-то архивных материалов снова пришлось избавляться. Если дневники поэта второй половины 1940-х существовали, их могла постичь та же печальная участь.

Так или иначе, к сегодняшнему дню сохранились дневниковые записи за три периода жизни Павла Григорьевича. Это «военные дневники» 1943-1944-го годов, которые он провел корреспондентом на фронтах Великой Отечественной войны. Это дневники за 1964–1968-ой годы – период, известный в истории страны как идеологическое «похолодание». И, наконец, дневники за 1971–1978-ой годы, сделанные поэтом в последние годы жизни. Все они и вошли (с небольшими сокращениями) в эту книгу.

В августе 1943 года Павел Антокольский в составе группы московских писателей был командирован редакцией газеты «Красная звезда» на Орловский участок фронта. Усилиями писателей и журналистов велась летопись войны. Планировалось сразу же после летних сражений подготовить книгу «В боях за Орёл»⁴. Историческое значение этой битвы было огромно – ликвидировали важный стратегический плацдарм немцев, с чего началось общее наступление наших войск на всем протяжении фронта – от Финского залива до Чёрного моря.⁵

Для Павла Антокольского та поездка на фронт была значимой вдвойне: год назад во время военных действий в Орловской области погиб его восемнадцатилетний сын. Володя Антокольский окончил противотанковое училище в Средней Азии, в Фергане, и в чине младшего лейтенанта был направлен на Орловский участок Западного фронта. Там он и был убит 6 июля 1942 года в первом же бою.⁶

Через год уже по освобожденной Орловщине поэт Павел Антокольский прошел и проехал путем наступления 3-ей армии: от Мценска до Орла, затем до Карачева и далее на север к Жиздре и Людиново. Интересен взгляд на войну оказавшегося рядом с ней человека невоенного, совсем неприспособленного к армейскому труду, – на будни армии и психологию врага. Он видел передислокации, ночные марши, подготовку к наступлению, картины танковой битвы, разрушенные нежилые города, одичавших людей, возвращавшихся после ухода немцев, зарева на Западе – враги жгли за собой все, что им приходилось оставлять. В своих военных очерках он рассказал о беседах с солдатами и жителями освобождённых сел, дал портреты труженников войны.

Своё личное горе поэт попытался выплакать в стихах – в память о Володе он написал поэму «Сын»⁷, ставшую реквиемом по всем погибшим на фронтах Великой отечественной войны, – но боль не отпускала. И тогда он стал писать письма своему погибшему мальчику. Обращения к сыну – Володе, Вовочке – и начинается и заканчивается военный дневник Антокольского, а между ними – рассказ о «сложном, могучем хозяйстве войны», которому поэт стал свидетелем. В тех поездках им было написано множество стихотворений, запечатлевших события войны.⁸ Там он вел дневники, которые мы сегодня предлагаем читателю. Свою миссию гражданина поэт выполнил.

А вот найти могилу Володи ему тогда, в 1943-м году, так и не удалось⁹. «Я уйду от него не простившись <...> без прощенья...», – пишет он в отчаянии. Отправившись на фронт, он хотел увидеть и узнать то, через что пришлось пройти сыну. Это была попытка приблизиться к своей потере, хоть как-то избыть рвущую душу боль. Рана, нанесенная ему войной, не заживала. «Нет исхода черной тоске», – так заканчивает Антокольский свой «военный дневник».

Антокольский пережил войну. Он пережил и кампанию против «безродных космополитов»: несправедливые обвинения и последовавшее за этим отлучение от поэзии и преподавательской работы в Литературном институте. Лишь с «оттепелью» жизнь снова вошла в привычное русло. Пришло «второе дыхание». Одна за другой вышло несколько книг его стихов – в семье появился достаток. Построили дачу в подмосковном писательском поселке на Красной Пахре, там главным образом Павел Григорьевич и жил и работал в 1960-е годы. Вдали от московской суеты он начал вести ежедневные записи происходящих событий.

С первых же страниц поражает каким неутомимым труженником он был. Если не писал стихи, то работал над рассказами, сказками, литературоведческими статьями, переводил поэзию других стран и союзных республик. Необычайно много читал и размышлял о прочитанном на страницах своих дневников. Вел обширную переписку, но не жалел времени и на встречи с друзьями и коллегами: кажется, все самые яркие представители советской (и не только советской) литературы тех лет побывали в его подмосковном дачном доме в 1960-е годы. Антокольский – постоянный участник юбилейных торжеств писателей-классиков и телепередач, посвященных памяти ушедших

поэтов. В 1964 году у него состоялось двенадцать больших поэтических выступлений, что не всегда под силу и молодым. И только инфаркт, случившийся вскоре после этого, вынудил его изменить привычный ритм жизни.

Изменился ритм, но не стиль жизни. Один из современников Антокольского иронично заметил: «У поэтов есть такой обычай / В круг сойдясь, обплёвывать друг друга».¹⁰ Читая дневники Павла Григорьевича, убеждаешься, что он был совсем другим человеком: в свои отношения с коллегами привносил дух товарищества.

Дни его полны мыслей и забот о литераторах: живых и ушедших. Прежде всего, тех мастерах слова, которым на его взгляд и с позиции его времени не повезло в бессмертии. Из-за несчастливых исторических совпадений ни одна памятная годовщина М.Ю.Лермонтова не была всенародно отмечена, и систематические исследования его творчества начались лишь спустя сто лет после гибели.¹¹ Антокольский – наперекор чиновникам Министерства культуры – помогал лермонтоведам публиковать их открытия. А в 1964 году – в год столетия со дня рождения Лермонтова – в Большой серии «Библиотека поэта» наконец вышел двухтомник избранных произведений классика со вступительной статьей Антокольского.

М.И.Цветаеву после возвращения на Родину не публиковали более двадцати лет. Антокольский был среди тех немногих, кто помог Ариадне Эфрон «узаконить в русской литературе» имя её великой матери: выступал на вечерах памяти, писал вступительные статьи и рецензии к сборникам её произведений. Его воспоминания об их дружбе в годы революции и о событиях в культурной жизни того времени оказались очень ценны при составлении комментариев к книге Цветаевой, вышедшей в той же «Библиотеке поэта» в 1965 году.

«Больше всего болею за нашу бедную, загнанную в тёмный тупик, полузадушенную литературу, за Солженицына живого, за Булгакова мёртвого, но оказавшегося через тридцать лет живее всех живых. За скольких ещё – их и не перечислишь. Даже за Маяковского, которого совсем недавно вываляли в грязи в огоньковских пасквилях»¹², – писал Антокольский. И если бы не эти дневники, мы так и не узнали бы, как он просил партийных чиновников Союза писателей не наказывать Фриду Вигдорову за стенограмму суда над Иосифом Бродским, как пытался спасти Владимира Орлова, снятого с должности главного редактора “за политическую халатность” и как не спал ночами, думая, кого из влиятельных друзей-писателей привлечь, чтобы не допустить закрытия серии «Библиотека поэта».

Белла Ахмадулина однажды заметила, что он «не уставал дарить себя людям» – лучше не скажешь. В нем жила огромная потребность отдавать своё время, опыт, энергию собратьям по перу, особенно – литературной молодежи. Начинаются дневники шестидесятых годов с рассказа о юном поэте, которому он помог, и заканчиваются рассказом о народившемся русском поэте, в судьбе которого он принял участие. Его питомцы становились его друзьями, и он ещё долго продолжал поддерживать их советами, рекомендациями, ходатайствами. В каждом из них он видел своего погибшего сына.

Дневники дают обширную панораму общественной жизни глазами поэта глубоко озабоченного судьбой страны. Он рассказывает о «подлых процессах 1960-х». Это стало драмой его старости. Он подписал письма в защиту сначала осуждённых писателей, потом – советских правозащитников, чем вызвал гнев правительства и партийного начальства. Незамедлительно последовала расправа: отложили издание собрания его сочинений, отменили творческие вечера, не избрали делегатом на очередной съезд писателей. В том 1966-ом, юбилейном для него году, он не получил ордена Ленина, как это полагалось ему по статусу, да и само поздравление от руководства Союза писателей пришло с оскорбительно большим опозданием. Было обидно.

Еще долго слышались отголоски тех наказаний. Власти мстили ему даже после смерти. Потому 9 октября 1978 г. гражданская панихида по Павлу Григорьевичу Антокольскому состоялась не в Большом, а в Малом зале Центрального Дома литераторов, предназначавшемся для поэтов «низшего ранга». Зал не вместил всех пришедших проститься – люди толпились в коридорах, на лестницах, в вестибюле... Потому до сих пор нет мемориальной доски на том доме в Москве, где он жил.

И вот уже совсем недавно – в третьем тысячелетии – по российскому каналу «Ностальгия» прошла телепередача 1967-го года, где композитор Т.Н. Хренников исполнял песню «Как соловей о розе» из спектакля театра им. Евг. Вахтангова «Много шуму из ничего». ¹³ Это была популярная песня на стихи Антокольского, но ни слова о нём в той передаче сказано не было. И, конечно, это не единственная передача тех лет, из которой вымарали имя знаменитого поэта.

Шла планомерная, организованная травля. Однако Антокольский не жаловался, он вообще старался не думать о плохом.

В дневниках запечатлен короткий период из жизни писательского дачного поселка на Пахре. Это было (в большинстве своём) сообщество талантливых и ярких людей. Ещё были живы А.Т. Твардовский, В.Ф. Тендряков, М.И. Ромм, Р.Р. Кармен, М.А. Светлов, С.И. Кирсанов, К.М. Симонов, М.Л. Матусовский, Ю.В. Трифонов, Ю.М. Нагибин, Ю.С. Семёнов, Э.А. Рязанов. Некоторые из них – ученики Павла Григорьевича, к их отношениям добавилось добросердечное соседство. Он описывает вечера, которые они проводили в гостях друг у друга за разговорами на самые злободневные темы, читая стихи Мандельштама, слушая магнитофонные записи песен Юза Алешковского. Именно они, друзья-соседи по дачному посёлку, становились первыми слушателями и критиками новых произведений друг друга. «Наш Веймар» – так Антокольский называл этот подмосковный очаг культуры.

Рассказ о жизни Антокольского невозможен без образа Зои Константиновны Бажановой – его жены, души их дома. Маленькая, хрупкая женщина, она вела обширное хозяйство, руководила строительством дачи, ухаживала за близкими: сначала за мужем, перенесшим инфаркт, потом – за умиравшей матерью. И при всём том успевала работать – после неё осталась уникальная коллекция деревянных скульптур, иллюстрировавших литературные произведения и библейские сюжеты.

Они прожили долгую и счастливую жизнь. В их доме царил атмосфера творчества, доброты и расположения к людям. Даже если в дневниковых записях Зоя Константиновна оставалась «за кадром», её влияние на мужа и окружающих было огромным. Её отличало обостренное чувство порядка и порядочности в человеческих отношениях.

Зоя Бажанова была нравственной опорой семьи – непреклонной в делах, связанных с общественной позицией. В память о ней осталась такая история. Они жили в Москве в районе старого Арбата, на улице Щукина, в доме без лифта. Павлу Григорьевичу, перенесшему инфаркт, подниматься на четвёртый этаж пешком было противопоказано. По рекомендации Союза Писателей и распоряжению Моссовета в доме смонтировали лифт. Работы были уже закончены, когда возник конфликт из-за подписи Антокольского в коллективном письме в защиту писателей Андрея Синявского и Юлия Даниэля. В один из тех дней в квартиру Антокольских позвонили. Подошла к телефону Зоя Константиновна.

- Мы вам настоятельно рекомендуем убедить мужа снять свою подпись.
- Этого не будет, – сказала она.
- Тогда вам лифт не включат.
- Ну, и не надо, – ответила Зоя Константиновна. – Как-нибудь проживём. – И бросила трубку.

Она стойко переносила трудности, что выпали на её долю. Она и удары, предназначенные мужу, принимала на себя, не щадила себя – и не выдержала под тяжестью переживаний последних лет. С её внезапной смертью в 1968 году началась ещё одна и, пожалуй, самая страшная драма поэта.

В дневниках как в зеркале отражаются жизнь и характер – с изменением жизни меняются и дневники. При Зое Константиновне был налажен быт, жизнь была размеренной, упорядоченной, подчинённой семейным традициям, и записи в дневниках Павла Григорьевича соответствующие – упорядоченные, организованные. После смерти Зои Константиновны они становятся менее систематичными, всё более отрывочными. И это уже другие по своему духу дневники.

Антокольский все так же подробно описывает события дня, но «порядок этот ведает рука», а вот былые вдохновение и азарт, присущие его индивидуальности, постепенно покидают автора. Все меньше встречаются на страницах дневников и его размышления, уступая место описаниям сиюминутной суеты. «Внешней, каждодневной лихорадкой» называет он свои будни последних лет, и заключает, что «итога по-настоящему нет».

Дело не только в том, что он старел. Со смертью жены резко изменился привычный уклад его жизни и атмосфера в доме. В московскую квартиру Антокольского переехала его дочь с десятилетней внучкой – приехала, чтобы принять большое хозяйство и поддержать горевавшего отца. Так декларировалось. И так должно было быть. Но этого не произошло: Наталья Павловна не сумела (а может, и не пожелала) ни стать достойной хозяйкой в доме, созданном Зоей Константиновной, ни помочь отцу. Как многие исключительно одарённые люди, Антокольский всегда оставался большим ребенком – непрактичным, неумелым,

плохо приспособленным к быту. Все, что ему нужно было, это чтобы сохранили и поддерживали многолетний уклад созданный его покойной женой. Но Наталья Павловна этот уклад безжалостно разрушила и завела свой порядок, мало согласовавшийся с потребностями и привычками отца. В дневниках 1970-ых годов находим свидетельства крайней заброшенности старого поэта.

Красивый и ухоженный, похожий на музей, гостепреимный и хлебосольный дом Антокольских, двери которого всегда были открыты для друзей, в котором царил дух доброжелательства и внимания к людям, изменился до неузнаваемости. Туда перестали приходить старые друзья. Да он и сам теперь стремился уйти оттуда: часто обедал в ресторане ЦДЛ (домашние не слишком заботились, чтобы он был накормлен), всё чаще уезжал в дом творчества в Переделкине, где мог в спокойной обстановке подготовить заказанные ему статьи, с радостью, даже с упоением, несмотря на свои уже очень преклонные годы, участвовал во всех поэтических праздниках: пушкинских, лермонтовских, блоковских.

В последнее десятилетие своей жизни он так же много, а может быть, даже больше чем прежде, общался. К нему часто приходили за советом, за помощью. В нем нашли покровителя молодые поэты 1970-ых и поэтессы, в обществе которых он особенно нуждался: они побуждали его к творчеству.

Он никому и ни в чём не отказывал. У одной «режут» книгу в издательстве Риги, и он пишет рецензию, улаживая конфликт, – мнение известного поэта было весомо в кабинетах бюрократов. Другой нужен железно-дорожный билет и номер в московской гостинице, и он их заказывает – ему, члену Союза Советских Писателей, сделать это было не сложно. У третьей надвигается защита диплома, и он посылает ей редкие книги по французской поэзии и письма, в которых излагает свои идеи по теме диплома, – всё, что может ей пригодиться. Или просто дарит деньги, потому что понимает, как нелегко приходится молодёжи, занятой литературным и журналистским трудом.

Для Павла Григорьевича помогать молодым было естественной потребностью, проявлением товарищества, а его родным это было чуждо. Частыми стали ссоры. Он страдал. Своими переживаниями делился с друзьями, доверил их и дневникам. Впоследствии дневники попали в руки родным. Видимо, по этой причине полностью отсутствуют записи за 1969-ый и 1970-ый годы, следовавшие сразу за смертью Зои Бажановой. Но Антокольский ссылается на них в дальнейшем, значит, они были, только разыскать их уже в начале 1980-ых нам не удалось. Бесследно исчезли и многие записи 1974-1977 годов. Но и в сохранившихся дневниках находим его жалобы на происходящее в доме. Если внимательно читать дневники последних лет его жизни, открывается картина неприглядная.

В романе Валентина Катаева «Алмазный мой венец», посвященном литературной жизни страны, все действующие лица – знаменитые поэты и писатели – скрыты под прозвищами-масками. Под именем Арлекина безошибочно угадывается Антокольский: в самом деле было что-то шутовское, озорное, клоунское в манерах молодого и даже

вступившего в зрелость поэта. Но Антокольский в старости – фигура трагическая. Он – король Лир. По какой-то злой иронии, ему пришлось пройти в жизни через одну из любимых своих шекспировских трагедий, причём, в худшем её варианте: у него не было Корделии. Горькую и несправедливую старость он перенёс в одиночестве.

Но несмотря ни на что он до последних дней погружён в работу. Он – великий, неутомимый труженик. И это спасало – творчество и несколько по-настоящему близких людей. Приезжал внук, общение с которым всегда было и желанным и радостным. Приходили его новые друзья-телевизионщики Йонас и Дина.¹⁴ Он называл их «мои Динасы». Антокольский всегда тянулся к молодёжи, и вот в 1973 году произошла его последняя судьбоносная встреча.

Они познакомились на юбилейном пушкинском празднике поэзии. Съёмочные группы московского телевидения разъехались по пушкинским местам страны, и Йонас с Диной приехали снимать торжество в Кишенёв и Одессу. Там они и встретились с Павлом Григорьевичем, и больше уже не расставались. Возник прекрасный творческий союз – старого поэта, ещё полного замыслов, и молодых людей, увлеченных поэзией и оснащенных современной техникой. Он ввел их в круг московских поэтов, а они помогли ему осуществить давнюю мечту – состояться как историку литературы.

Организовав телевизионный цикл «Поэзия», они вместе подготовили передачи о Поле Элюаре, А. Пушкине, А. Блоке, об ушедших поэтах-современниках Антокольского – М. Светлове, В. Маяковском, Н. Ушакове и Л. Первомайском. Антокольский позаботился, чтобы потомкам осталась память и о его учениках: К. Симонове, М. Алигер, А. Межирове. По его инициативе сделали передачу о Д. Самойлове. Несколько передач было сделано и о нём. Так, благодаря его друзьям, сохранились редчайшие кадры, где Павел Григорьевич читает стихи – свои и других поэтов. Зрелище впечатляющее. В молодости Павел Григорьевич увлекался театром, посвятив ему добрую четверть века, а на исходе жизни освоил новый вид искусства, и как ребенок удивлялся и радовался тому, что их передачи о поэзии увидит и услышит многомиллионная аудитория.

Давно канула в лету «эпоха застоя», ушла в прошлое «перестройка» и более тридцати лет назад распался Советский Союз. С тех пор произошла переоценка многих культурных ценностей. В отечественном литературоведении развивается новый, свободный от идеологических тисков прошлого, взгляд на литературу и литераторов советского периода. Они более адекватно воспринимаются и интерпретируются сегодня и историками и читателями. На фоне этой общей картины ясно видишь, что настоящая и полная биография Антокольского ещё не написана. Опубликованная в 1969-ом году книга о нём Л.И. Левина «Четыре жизни. Хроника трудов и дней Павла Антокольского» добросовестна и правдива, но по соображениям цензурным и личным фрагментарна – за кадром остались некоторые ключевые моменты жизни и творчества Павла Григорьевича. Его это огорчало, он сокрушался об этом в своих дневниках.

Издание второе, дополненное, но по содержанию не слишком отличавшееся от первого, вышло в 1976 году – к 80-летнему юбилею поэта. Он подарил нам экземпляр с такой надписью: «Дорогим моим внукам Андрею и Ане на память об одной нелёгкой жизни. Дед». (Сначала написано было «детям», но зачеркнуто и исправлено на «внукам». Описка весьма примечательная). Осмысление этой непростой и нелегкой жизни потребовало времени. Предлагаемые нами читателю дневники Антокольского – важная составляющая его литературного наследия: без них представление о его судьбе не будет полным.

Как и многие другие российские поэты XX века, Павел Антокольский считал себя поэтическим наследником А.С.Пушкина. Свою любовь он выразил и в стихах, и в литературоведческих статьях, и даже в художественных иллюстрациях к произведениям великого мастера слова.¹⁵ О поэзии Пушкина он думал до глубокой старости, обращался к ней и в своих дневниках: сравнивал стихи между собой, анализировал. Творчество Пушкина служило ему безусловным ориентиром в литературной работе. Но он и в самых пылких своих фантазиях не мог предположить, что в Вечности, в Истории он со своим кумиром встретится. Встреча произошла в 1990 году, в Вильнюсе, в литературном музее им. А.С. Пушкина, куда нами были переданы уцелевшие к тому моменту профессиональная библиотека Антокольского, его художественные работы и небольшая часть рукописей. Это самый драгоценный подарок, какой могли сделать Павлу Григорьевичу его потомки.

Составители

Комментарии и примечания

¹ Зоя Константиновна Бажанова-Антокольская (1902-1968) – жена и муза П.Г.А.; актриса театра им. Е.Б. Вахтангова, преподаватель актерского мастерства в театральном училище им. Б. В. Щукина, скульптор по дереву.

² *Грибачёв Н.М. Против космополитизма и формализма в поэзии. «Правда» 1949. 16 февраля.* Статья секретаря партбюро СП СССР хранится в Фонде А.Н. Яковлева. Документ №113.

³ В статье Н.М. Грибачёва так же упомянуты поэты М.И. Алигер и А.П. Межиров.

⁴ Книга «В боях за Орел» вышла под общей редакцией ген.-майора, доктора исторических наук Н.А.Таленского в московском издательстве Госполитиздат в 1944 году. Она представляет собой литературно-публицистический и исторический очерк о боевых действиях 3-ей армии под командованием генерала-лейтенанта А.В. Горбатова (1891-1973).

⁵ *Орловская битва – два года: факты, статистика, анализ.* Электронный ресурс: <http://www.istmira.ru/istvmir/orlovskaya-bitva-dva-goda-fakty-statistika-analiz/page/11/>

⁶ Подробный комментарий находится в дневниках 1943-44 годов.

⁷ 5 февраля 1943 г. в клубе советских писателей на ул. Воровского (в наст. время – Центральный Дом Литераторов. – Сост.) П.Г.Антокольский впервые прочел на собрании свою поэму «Сын». После журнальных публикаций и выхода её отдельной книгой в издательстве «Советский писатель» в 1943 году поэма была отмечена Государственной премией СССР – Сталинской премией второй степени. Переведенная на многие языки и ставшая достоянием миллионов читателей, поэма «Сын» принесла её автору мировую известность.

⁸ В 1943 году после поездок на фронт в качестве военного корреспондента П.Г.А. опубликовал два очерка «Освобождённый город» и «Поездка в армию», написал стихи «В районе Жиздры», «Правый берег Днепра» и др., неоднократно публиковавшиеся в авторских сборниках поэта. *Павел Антокольский. Стихотворения и поэмы. Большая серия Библиотеки поэта. Ленинградское отделение. 1982. С.с.189, 196-198.*

⁹ Могилу Владимира Павловича Антокольского разыщет много лет спустя его школьный друг, тоже участник ВОВ, публицист Анатолий Эмильевич Миндлин (1923-1998). В 1973 г., проделав огромную и кропотливую работу в архиве Министерства обороны г. Подольска, а затем в переписке с райвоенкоматами Орловской и Калужской областей, А.Э.Миндлин установил, что все индивидуальные могилы возле дер. Сусея в 1956 году были перезахоронены в одну братскую могилу села Брусна, куда занесено и имя младшего лейтенанта В.П. Антокольского. Автор посмертных очерков о В.П. Антокольском.

¹⁰ Этими строками начинается стихотворение «Кофейня». *Дмитрий Кедрин. Стихотворения. Поэмы. Драма. Пермское книжное издательство. 1984. Стр. 26-27.*

¹¹ В своей вступительной статье к готовившемуся изданию М.Ю. Лермонтова в Большой серии Библиотеки поэта, П.Г.А. пишет: «Столетие со дня рождения Лермонтова совпало в 1914 году с началом первой мировой войны, столетие со дня гибели – в 1941 году – с началом Отечественной. В силу этих несчастливых исторических совпадений ни одна из памятных годовщин, ни в 1914, ни

в 1941 году, не носила характер всенародного чествования. Тем самым, итог изучения лермонтовского творчества был <...> по-настоящему не подведён». *М.Ю.Лермонтов. Избранные произведения в двух томах. Т. 1 (1828-1834). Большая серия. Москва-Ленинград: «Советский писатель». 1964. С.с. 5-54.*

¹² В пасквилях журнала «Огонёк» обесценивалась роль «музы русского авангарда» Л.Ю. Брик (1891-1978) в жизни и творчестве В.В. Маяковского. В архиве составителей хранится сочувственное письмо П.Г.А. к ней в связи с этими клеветническими публикациями и посвященное ей стихотворение, а так же её благодарный ответ.

¹³ *Театральные встречи. За синей птицей. 1967.* Электронный ресурс:
<https://www.etvnet.com/tv/peredachi-online/teatralnyie-vstrechi-za-sinej-ptitsej-1967/251702/>

¹⁴ Йонас Витаутас Мисявичюс (1942-2009) – кинорежиссер-документалист, общественный деятель. Автор телепередач о жизни и творчестве русских и советских поэтов; автор фильма «Брестское гетто», номинированного на премию «Оскар» в 1995 г. В число «послеперестроечных» работ И. Мисявичюса вошли фильмы об И. Бродском, В. Аксенове, А. Приставкине, Р. Рождественском, академике А. Сахарове и др.

Йонас Мисявичюс и его жена Дина Андреевна Чупахина (рожд. 1947) в 1970-е годы работали в литературно-драматической редакции московского ТВ и более, чем кто-либо сделали для сохранения в русской культуре памяти о поэте Павле Антокольском.

¹⁵ *П.Антокольский. О Пушкине. Москва: «Советский писатель». 1960.* Вошедшие в сборник очерки составляют вклад П.Г.А. в российское пушкиноведение. Рисунки П.Г.А. к произведениям А.С. Пушкина представлены в настоящей книге в разделе иллюстраций.